

ВВС

★ ВОЕННО-
ВОЗДУШНАЯ ★
СЕРИЯ

Сергей ЗВЕРЕВ
**НЕБЕСНЫЙ
ПРИЗРАК**

ВВС. Военно-воздушная серия

Сергей Зверев

Небесный призрак

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Небесный призрак / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (ВВС. Военно-воздушная серия)

Секретный вертолет «Громобой» с технологией невидимости, гордость отечественных ВВС, должен выполнить необычную миссию. Американцы захватили особо ценного российского разведчика и содержат его на своей гавайской военно-морской базе. Освободить его поручается экипажу «Громобоя». Однако сделать это непросто. Ставка – на невидимость чудо-вертолета, который должен зависнуть над охраняемым пленником и поднять его в небо. Но из-за роковой случайности «Громобой» становится заметным, и за ним начинают охоту американские военные вертолеты...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Небесный призрак

Глава 1

Над Гавайскими островами стремительно густели сумерки, плавно переходя в тихую тропическую ночь. Если верить синоптикам, в радиусе сотен миль от архипелага в ближайшие часы не ожидалось никаких ухудшений погоды, тем более – штормов и ураганов, поэтому патрульный самолет «Р-3С» «Орион» с опознавательными знаками авиации ВМС США не особенно торопился на базу. Значительный запас топлива и экономичные турбовинтовые двигатели позволяли ему болтаться в воздухе десятки часов на приличной крейсерской скорости, с помощью самой современной электроники отслеживая свои и чужие подводные лодки в безбрежном Тихом океане. Однако даже самые вместительные топливные баки рано или поздно пустеют, экипажи устают, и вот «Орион» получил приказ возвращаться. Пилоты обменялись улыбками и радостными возгласами – возвращаться домой всегда приятно. Жаль только, что над Гавайями будет самое меньшее поздний вечер, когда шасси коснутся посадочной полосы авиабазы.

Ничего, отдохнуть никто не помешает, подумал командир «Ориона», переключая автопилот на обратный курс. Русские и китайцы в последнее время ведут себя мирно, с их стороны проблем быть не должно, а что до северокорейцев, то следить за ними и без нас есть кому.

Спустя три часа самолет приземлился, экипаж после краткого рапорта отправился по домам – отсыпаться. Большинство уже добралось до таких желанных постелей, когда тяжелую машину не спеша закатили в размещенный на краю огромной стоянки ангар с большими белыми цифрами «18» на фасаде. Здесь с ней принялись возиться техники – сливали остатки масла и топлива, проверяли оборудование, вызвавшее у экипажа хоть какие-то подозрения на неисправность. Следом за ними «Орионом» занялись несколько офицеров из секретного отдела, которым полагалось снимать показания многочисленных камер и датчиков. Но, скопировав лишь оперативный журнал последнего патрулирования, включавший краткие сведения о зафиксированных аппаратурой надводных и подводных объектах, и файлы, отмеченные экипажем для первоочередного копирования, секретчики удалились, неудержимо зевая. Собственно, по инструкции полагалось сразу после приземления самолета-разведчика абсолютно всю записанную за полет информацию копировать, а после копирования удалять из бортовых компьютеров, но на базе на это предписание частенько смотрели сквозь пальцы. Особенно если самолет приземлялся, мягко говоря, после полуночи. Полное копирование данных с последующим форматированием цифровых носителей было довольно долгой процедурой – конечно, при условии соблюдения всех формальностей. В таких случаях ее обычно откладывали на утро, ограничиваясь лишь самыми важными данными и общим перечнем записей, которые тут же отправлялись в разведывательный штаб флота. Наконец последний техник покинул ангар, оставив вокруг остывающей крылатой машины только дежурное освещение. Стены ангара тонули во мраке, немногочисленные лампочки, подвешенные под перекрытиями, не в силах были его раздвинуть, выхватывая из темноты лишь сам «Орион» и очень небольшое пространство вокруг него.

Через какое-то время где-то позади самолета раздался тихий шелест. Словно открылась хорошо смазанная железная дверь. Чуть позже шелест повторился, вслед за ним в пение птиц и насекомых, доносившееся снаружи ангара сквозь алюминиевую обшивку, вплелся еле уловимый звук осторожных шагов. Кто-то, пока невидимый, направлялся к самолету со стороны, противоположной огромным воротам. Хотя там не было часовых – ни снаружи, ни внутри, – но

открыть тяжелые створки без помощи электромоторов было бы сложно. Незнакомец предпочел не светиться и явно воспользовался запасным входом, также не охраняемым. Почти неслышимый звук шагов уверенно приближался к «Ориону». Наконец из окружавшего самолет полумрака проступил смутный силуэт, затянутый в черную ткань комбинезона. Он стремительно преодолел несколько десятков метров, отделявших его от открытого входного люка огромной машины.

Внутри было темно, но это не стало для ночного визитера серьезным препятствием. Похоже, он хорошо знал, где в самолете находится то, что ему нужно. Незнакомец уверенно добрался до отсека, где совсем недавно несколько полусонных офицеров сбрасывали на флэшки информацию для штаба флота. Человек в черном комбинезоне, «оживив» бортовой компьютер, действовал гораздо быстрее и увереннее своих предшественников. К тому же в отличие от них он хотел получить не только перечень файлов и записи с отметкой «копировать в первую очередь». И он не случайно выбрал именно этот самолет – он хорошо знал, какие квадраты патрулировал «Орион» в последнем полете. Незнакомец воткнул в нужный разъем черный обрезиненный цилиндрок, вошел в меню системы, с легкостью обойдя пароли, и ненадолго задумался, выбирая интересующие его пакеты файлов. С одной стороны, даже самой вместительной флэшки могло не хватить для размещения всего архива двенадцатичасового полета, с другой – на жестком диске немало места занимали файлы, представлявшие ценность исключительно для нормальной работы бортового компьютера и подключенной к нему аппаратуры. Извлекать их было совершенно ни к чему. Пометив нужные файлы и директории, загадочный гость запустил копирование данных, хранившихся в электронном архиве «Ориона». Убедившись, что процесс пошел, ночной визитер извлек из-под комбинезона пухлый сверток и положил его на откидной столик, придерживая свободной рукой. Нечто, завернутое в плотную ткань, похоже, пыталось шевелиться, однако визитера это не волновало. Трудноразличимые цифры шустро мелькали на мониторе, но ему казалось, что эти несколько минут растягиваются в бесконечность. Наконец копирование выбранных им файлов закончилось, и человек в комбинезоне с заметным облегчением извлек флэшку из разъема и сунул ее в карман. Потом он аккуратно, без суеты, выключил аппаратуру и только теперь принялся разворачивать темную плотную ткань. Внутри свертка оказался почтовый голубь, который, почуяв свободу, беспокойно завертел головой, тихо курлыкая. Человек, не обращая внимания на птичье беспокойство, закрепил флэшку на голубиной лапке. Расчет был восхитительно прост – флэшка не слишком тяжелая, по крайней мере, с территории базы голубь ее вынесет. А вот человек – нет. Незнакомец спустился по трапу из самолета и, прижав птицу к груди, нашел глазами едва различимое в темноте открытое окно в крыше ангара. На его лице возникло выражение удовлетворения – нет, он не ошибся, окно действительно открыто, и проем достаточно большой, чтобы голубь смог через него проскочить. Капитан разжал руки. Только того и ждавшая птица рванулась вверх, почувствовав ток воздуха из окна, казавшегося синим квадратом на фоне черных стен. Вот уже силуэт голубя нарисовался на фоне этого квадрата...

Внезапно ночь словно испарилась – даже самый дальний закуток огромного помещения залило ослепительным электрическим светом. Безжалостные прожекторы высветили лицо человека, который несколько минут назад снимал с аппаратуры патрульного самолета совершенно секретную разведывательную информацию. Под отворотами черного комбинезона виднелся воротник форменной рубашки офицера морской пехоты США. Более того – он и выглядел американским морпехом, словно сошедшим с советских плакатов времен «холодной войны»: широкие плечи, квадратный подбородок, холодный ковбойский взгляд.

Когда глаза его немного привыкли к слепящему свету прожекторов, человек в комбинезоне увидел, что на него направлены сразу несколько автоматных стволов, с безопасной для стрелков дистанции. По крайней мере, им казалось. От стены тут же отделились двое, которых офицер сначала не заметил: немолодой джентльмен начальственной внешности, в черной

кожаной куртке с белыми буквами «FBI» на груди, и майор все той же морской пехоты, грубый волосатый мужик зверовидного облика. Человек в комбинезоне усмехнулся: фамилия майора была Гарланд, но вся база звала его за глаза Гориллоидом.

– Руки вверх, Митчелл! И без шуток! – прорычал Гарланд, наставляя на него свою «беретту».

«Черный комбез» напрягся, но быстро сообразил, что его собираются брать живым – мертвые шпионы никому не нужны, даже тем, против кого работают. Так что этим парням огонь наверняка приказано открывать только в крайнем случае. Он снова перевел взгляд на окно под крышей – и увидел птицу в какой-нибудь паре-тройке ярдов от оконного проема. Яркий свет ослепил голубя, и он немного замешкался, пытаясь сориентироваться, но поток свежего воздуха повел его к свободе не хуже компаса. Удовлетворенно улыбаясь, человек, до этой минуты известный как капитан морской пехоты США Джордж Митчелл, офицер с безупречным послужным списком, медленно поднял руки вверх.

Вот так, растерянно подумал седой фэбээровец, проследив за взглядом Митчелла и увидев улетающего голубя, этот сукин сын не только отправил украденную информацию «по адресу», но заодно и избавился от улик. Он опустил пистолет. Попробуй теперь докажи, что именно унесла на себе эта птичка. Черт, он-то ожидал, что в худшем случае подозреваемый попытается проглотить флэшку, растоптать ногами или просто разбить ее о бетонный пол ангара. А вот про такой способ не подумал – ему всегда казалось, что голубиная почта – это прошлый век. Гориллоид спохватился первым – выхватив у ближайшего из солдат карабин «М-4», он выпустил вслед голубю длинную очередь, но было уже поздно. Майор был неплохим стрелком, но все же не снайпером. Голубь к тому же оказался довольно умной птицей и не стал ждать, когда его подстрелят. Прежде чем выпущенные впустую пули застучали по обшивке, он успел вылететь в окно.

– Чего стоите, обезьяны! – заорал Гарланд на подчиненных.

Несколько наиболее сообразительных морпехов бросились из ангара, задирая стволы карабинов к небу и паля по удаляющемуся голубю. Этот жест отчаяния не принес никакого результата: темно, автоматический карабин – не снайперская винтовка, да и голубь – птица проворная.

Почувствовав общую растерянность, человек в комбинезоне действовал не раздумывая – ему-то как раз терять было нечего. Следовало по полной использовать временное сокращение числа своих будущих конвоиров. Он скользнул к морпеху, который опустил ствол карабина к земле, на секунду отвернувшись от почти пойманного шпиона. В следующее мгновение сложившийся пополам рядовой скрючился на земле, а его оружие принялось радостно плевать свинцом во все стороны, ощутив себя в руках человека, гораздо лучше умевшего с ним обращаться, чем предыдущий хозяин.

К большому сожалению Митчелла, охрана базы предпочитала пользоваться магазинами старого образца, на 20 патронов – стрелять часовым приходилось редко, и таскать впустую «лишние» 10 выстрелов в каждом рожке никто не хотел. К тому же в случае удачного нападения на часового преступнику опять же досталось бы меньше боеприпасов.

Все же, прежде чем обойма опустела, Митчелл успел уполовинить ряды своих противников. Но их было слишком много, и на этом его везение, по большому счету, закончилось – оставшиеся члены группы захвата успели сообразить, чем для них чревато присутствие оружия в руках этого человека. И едва он нагнулся за оружием упавшего солдата, морпехи и фэбээровцы бросились к нему общей кучей, забыв о правилах. Капитан, понимая, что не успеет, перехватил «М-4» за ствол и, действуя карабином как дубиной, принялся «угощать» атакующих. Он вывел из игры как минимум еще троих, но отмахаться ото всех было нереально – эти парни имели неплохую подготовку и, если в чем ему уступали, могли с лихвой компенсировать качество количеством. Вот кто-то перехватил карабин за приклад, и сразу несколько человек

повисли на плечах капитана, мастерски проведенная уже невидимым противником подсечка сбила его с ног. Из десятка глоток вырвался торжествующий вопль. Но морские пехотинцы рано праздновали победу. Скрывшая капитана гора тел вдруг разлетелась, словно от взрыва. Митчелл успел подняться, подхватить чей-то карабин, сделать шаг и отметить, что в поле зрения нет Гориллоида. В следующую секунду капитан повернул голову и наконец увидел звероподобную рожу Гарланда. И летящий к виску приклад «М-16» в руках майора...

Не вышло, невесело подытожил он, когда, очухавшись, обнаружил себя в наручниках, сковывающих заведенные за спину руки. Тело, похоже, представляло собой один большой синяк. Наверняка ребятишки от души повеселились, пока он был без сознания. Двое морпехов держали капитана, не давая ему рухнуть на бетон. Он с трудом поднял голову и попытался сфокусировать взгляд. Перед ним стоял тот седой тип в фэбээровской куртке:

– ...Джордж Митчелл, вы арестованы по подозрению в шпионаже в пользу иностранного государства. Вы имеете право хранить молчание. Все, сказанное вами, может быть использовано против вас...

Глава 2

Поезд, везущий к морю несколько сотен отпускников из Красноярского края, неумоимо наматывал на колеса стальные нити рельсов. Некоторые из пассажиров уже ловили себя на первых проявлениях ностальгии – последний достойный внимания сибиряка лес исчез из поля зрения три дня назад. Теперь по обе стороны железной дороги до самого горизонта тянулась степь, изредка уступая место рощицам и лесочкам. Впрочем, попадавшиеся по пути поселения сильно напоминали таежные поселки – такие же маленькие и редкие. До больших городов еще надо было доехать.

Тем временем пассажиры снова потянулись к окнам – поезд приближался к реке, широкой и неторопливой. В отдалении уже виднелся другой мост, автомобильный. Дети, прильнув к оконному стеклу, восхищались этим творением архитекторов и строителей. Мост тянулся на несколько сотен метров, поднятый над рекой тремя массивными опорами на высоту седьмого этажа. И даже с такого расстояния не казался игрушечным. Машины, бегущие по нему сплошным потоком, отсюда казались муравьями, спешащими к своему муравейнику.

Арсений Лукич ласково потрепал по щеке внука, прилипшего к стеклу, – мост и правда выглядел грандиозно – и вернулся в купе, к недочитанному роману и остывающему чаю. Он сел, отхлебнул из стакана, потом раскрыл книгу, но почти сразу же закрыл. Что-то не читалось. Перестук колес по рельсовым стыкам перешел в грохот – поезд и сам вкатился на мост. За окном, словно крылья больших птиц, замелькали балки мостовой фермы. Многих это мелькание раздражало, но Арсений Лукич смотрел сейчас в окно с легкой грустью. Вид на широченную реку из идущего поезда, с высоты примерно двадцати метров, – своеобразный эрзац настоящего чувства полета. Как редко бывшему летчику удавалось ощутить хотя бы его! Из-за проблем с давлением врачи запретили ему летать даже в качестве пассажира, и сейчас он с Алешкой ехал к морю поездом. Дочка с зятем собирались, закончив дела, лететь на курорт лишь в конце недели и – вот смех! – встретить Арсения Лукича с мальчиком на вокзале.

Отставной пилот вздохнул и уставился в окно. И вдруг заметил странную темную точку над рекой, которая быстро увеличивалась в размерах. Арсений Лукич замер – вряд ли это была птица. Нет, это был... вертолет! Вертолет?

Бывший летчик затаил дыхание – таких машин он еще не видел, а ведь списали его с летной работы не так уж и давно, уже после развала Союза. Неужели отечественная авиапромышленность все-таки не топталась на месте все эти годы и смогла сотворить нечто из ряда вон выходящее? Похоже, что смогла.

И вдруг Арсений Лукич понял, что невиданная машина несется прямо на него, прямо на поезд, ползущий по мосту. Что у них там происходит? Почему этот вертолет не уходит в сторону или вверх? Еще немного – и будет поздно! Он едва не зажмурился, но тут необычный вертолет – а раскраска-то армейская, камуфляжная – совершенно бесшумно скользнул вниз и рубящие воздух роторы скрылись под мостом. Арсений Лукич бросился в коридор, вплющился в оконное стекло рядом с внуком и возбужденно прокричал:

– Лешка! Смотри! Вниз смотри! Вертолет!

Внук сначала не понял, о чем это дед, но послушно посмотрел вниз. А еще через секунду они вдвоем дружно вопили «ура!» и махали руками, не обращая внимания на недоуменные взгляды попутчиков. Вертолет все так же неслышно вынырнул под ними и рванулся к автомобильному мосту, растаял между его опорами... и вдруг возник снова, но уже над ним, развернулся, метнулся обратно к поезду, снова ушел вниз, виртуозно вписываясь между опорами. Дед и внук бросились обратно в купе, прильнули к стеклу, но вертолет уже превратился в удаляющуюся темную точку.

– Деда, – восхищенно спросил внук, – а что это было?

– Хотел бы я сам знать, Леша, – пожал плечами Арсений Лукич. – Какой-то новый вертолет, по-моему. Кажется, военный.

– Наш?

– Наш. Не сомневайся.

Арсений Лукич выглянул в коридор, с усмешкой наблюдая за ошарашенными попутчиками. Кажется, до них – причем далеко не до всех – только сейчас начало доходить, свидетелями чего они стали.

Аэродром был небольшим. Впрочем, вертолетам много места и не требовалось. К тому же на взлетной полосе редко можно было увидеть больше чем две-три винтокрылые машины одновременно. Спутнику-шпиону не за что зацепиться – ни дать ни взять обычный аэродром сельскохозяйственной авиации. словно подтверждая эту очевидную мысль, на краю поля практически всегда маячили несколько потрепанных «Ми-2» с подвесными бункерами для пестицидов и прочих химикатов. Эти древние тарактелки не были декорацией – они реально вылетали обрабатывать окрестные и не очень поля, если в том возникала необходимость. Пейзаж разнообразили полдюжину не слишком больших ангаров, несколько домиков, башенка командно-дальномерного пункта, метеостанция, всякого рода прочие строения. Смутить постороннего человека мог разве что полноразмерный радарный комплекс явно армейского происхождения, правда, не очень новый, так что вполне мог попасть сюда по какой-нибудь программе конверсии. Да еще могла удивить изрядная удаленность от обжитых мест – до ближайшей станицы было никак не меньше пятидесяти километров. Правда, некоторым станичникам случалось зарулить в такую даль... Вот только на самом аэродроме никому из них побывать все равно не удалось – обычно еще до того, как случайный гость мог бы увидеть что-нибудь помимо сине-белых «двушек», на его пути словно черти из табакерки возникали крепкие не улыбочивые парни в камуфляже, в случае необходимости очень доходчиво объяснявшие обратную дорогу.

В одном из тех ангаров на самом деле ничего не хранилось и не ремонтировалось. Он всего лишь маскировал вход в подземный комплекс. Сейчас у ворот этого совершенно ничем не примечательного сооружения стояло нечто, укрытое маскировочным тентом и благодаря брезенту имевшее совершенно неузнаваемые очертания. Однако сбоку складки тента разошлись, открывая входной люк и кусочек борта в камуфляжной раскраске, на котором виднелась надпись золотистыми буквами славянской вязью – «Громобой».

Взвизгнул тормозами «уазик», примчавшийся от башенки КДП. Хлопнула дверца, тускло блеснули в лучах полуденного солнца генеральские звезды на погонах камуфляжной куртки. Троица в одинаковых серых комбинезонах без знаков различия, только что упрятавшая загадочный «Громобой» в складки маскировочного тента, вытянулась по струнке. Двое мужчин и девушка настороженно смотрели на приближающегося к ним человека.

Суровое выражение лица генерал-лейтенанта Острохижи не сулило троиче ничего хорошего. И генерал оправдал их ожидания, разразившись гневной тирадой:

– Кто вам позволил рисковать совершенно секретной машиной, я вас спрашиваю?! Майор, это тебе что – любимый «Запорожец» твоей бабушки, что ли? Да вы знаете, сколько труда и денег в нее вложено?! Государственных, между прочим, денег. Не ваших. А ты, старлей, чего лыбишься? Тебя, Ковалева, тоже касается. А если бы вы под тем мостом гробанулись, а? «Громобой» ведь не серийная машина, это единственный экземпляр. А то, что ваши выкрутасы видело несколько сотен человек? С этим что делать прикажете? Несколько сотен человек могли видеть вертолет, которого официально не существует! И никто из них не давал подписку о неразглашении! Хорошо, если никто из этих зрителей не успел фотоаппарат или видеокамеру вытащить!

Экипаж дружно молчал. На все вышесказанное что-либо возразить было сложно. Скрывавшийся под брезентом сверхсекретный «Громобой» действительно представлял собой един-

ственный в своем роде вертолет, созданный творческим гением российских оборонщиков. Пока еще экспериментальный образец, эта машина уже превосходила как серийные, так и разрабатываемые вертолеты армий вероятных противников. Многие дорого дали бы за то, чтобы если не заполучить «Громобой», то хотя бы уничтожить его. Технологии, обеспечивавшие вертолету уменьшение ЭПР – эффективной поверхности рассеивания – до мало отличимой от нуля величины, иначе говоря, его невидимость в радиолокационном диапазоне, заставила бы любой «стелс» удавиться от зависти. Новейшие радиопоглощающие материалы, тщательно проработанная наружная архитектура корпуса, теплоизоляционные и шумоподавляющие технологии выхлопных сопел двигателей и прочие сверхсекретные разработки, каждая из которых могла бы обеспечить добывшему их шпиону безбедное существование до конца жизни. Но самой большой гордостью конструкторов являлась система «хамелеон» – особое полиуглеродное покрытие с интегрированными в него биомолекулярными микрочипами. Эти чипы совмещали в себе свойства телекамеры и телеэкрана одновременно, фактически ретранслируя через корпус «Громобоя» закрываемую им «картинку». С выходом «хамелеона» в активный режим вертолет для человеческого взгляда мгновенно «растворялся» в воздухе, становясь невидимым практически с любого ракурса. Другим оригинальным дополнением к конструкции супервертолета была система с поэтическим названием «падающий лист» – она почти полностью поглощала шум силовой установки и вращающихся винтов, сводя их к тихому шелесту. Но и без этих технологий «Громобой» был во многом уникальной машиной. Прежде всего он мог летать и как вертолет, и как самолет, но в отличие от американского конвертоплана «V-22» «Оспри», имевшего во многом схожую конструкцию, «Громобой» в вертолетном режиме значительно превосходил «американца» как в горизонтальной скорости, так и в скороподъемности. Впрочем, задачи у этих машин были разные: если «Оспри» изначально создавался как транспортно-десантная машина, то «Громобой» был разведывательно-ударным. В стандартный комплект его вооружения входили управляемые ракеты класса «воздух – поверхность» и «воздух – воздух», пулеметы и скорострельная автоматическая пушка. При необходимости вертолет мог нести малогабаритные противолодочные торпеды, неуправляемые ракеты, бомбы с лазерным наведением и много чего еще. Причем все ракетно-бомбовые «украшения» размещались на универсальной подвеске внутри корпуса вертолета, никак не нарушая его способности быть невидимым. Кроме всего прочего, предусматривался небольшой беспилотный самолетик с видеокамерой и многочисленными датчиками, который всегда можно отправить вперед «Громобоя» – собирать информацию. Еще одной особенностью вертолета была его модульная конструкция, позволявшая разобрать его за несколько часов и за столько же собрать, причем без специального оборудования. В результате разобранный вертолет мог транспортироваться в стандартных контейнерах в любую точку мира (например, под видом дипломатического груза). Несущие винты складывались вообще за несколько минут, и тогда вертолет без труда влезал даже в не слишком большой сарай. Несмотря на всю сложность своей конструкции и ее начинки, «Громобой» был легок в управлении. Экипаж как таковой составляли два человека: командир, совмещавший функции пилота и штурмана, и стрелок-оператор. В отсеке позади пилотской кабины имелись также два «пассажирских» кресла. Однако третьему члену группы – «наземному корректировщику» – действовать предстояло главным образом на земле, прежде всего обеспечивая выход «Громобоя» на цель.

...Генерал продолжал бушевать, озвучивая свои небезосновательные подозрения, что майор Иванисов доверил управление кому-то из экипажа:

– Я понимаю, взаимозаменяемость – дело нужное, каждый из вас должен в случае необходимости владеть и смежной специальностью. Хорошо владеть. Но какая сейчас была необходимость? Это же воздушное хулиганство! Что, Романчук, опять скажешь – когда бог войска дисциплине учил, ВВС в воздухе были, да? Георгий! Кто из вас был за штурвалом? Только честно!

– Я, товарищ генерал-лейтенант, – пилот решительно шагнул вперед, Романчук и Людмила за его спиной переглянулись, причем взгляд, брошенный стрелком-оператором на командира, выражал легкую досаду: мол, сам хотел, да не успел. В глазах же корректировщицы промелькнул целый букет эмоций, от изумления до восхищения. – Виноват.

– Что, майор, лавры Чкалова покоя не дают? – ярился Острохижа.

– Нет, товарищ генерал-лейтенант, его дублера.

Увидев мелькнувшее во взгляде генерала непонимание, Иванисов спокойно объяснил:

– Во время съемок фильма «Валерий Чкалов» этот летчик четырежды пролетел под Кировским мостом – именно столько дублей потребовалось режиссеру.

Острохижа хмыкнул, но ничего не сказал. Пилот не удержался и оглянулся на свой экипаж. И тут же поймал благодарный взгляд Людмилы.

– Ладно. – Генерал тоже заметил, как девушка посмотрела на Георгия, но виду не подал. Только как-то вдруг сразу успокоился. – Тебя тут, майор, за прошлые подвиги к ордену Мужества представили, но в свете твоего проступка с наградой обождешь. Я бы тебя вообще от полетов отстранил, чтобы ты о своем поведении подумал. Но заменить тебя, хулиган ты воздушный, пока нечем... – неожиданно гораздо более мягким тоном закончил Острохижа. – А теперь, дорогие мои, прослушайте краткую вводную. Вам предстоит очень серьезная командировка. Зарубежная.

– Далеко, товарищ генерал-лейтенант? – не удержался от вопроса любопытный Петр Романчук.

– Далеко. В район Гавайских островов. Только загорать вам там, боюсь, не придется...

Глава 3

Гавайские острова – это не только райский уголок посреди Тихого океана. Еще это 50-й штат США, который отделяют от континентальной части страны почти 4 тысячи километров, и все морем. А еще здесь, в знаменитой бухте Перл-Харбор, ныне базируется часть сил 3-го оперативного флота ВМС США. Основу этой группировки составляют десяток надводных кораблей классом от фрегата до крейсера, способных нести управляемое ракетное оружие, в том числе с ядерными боеголовками, да еще полтора десятка ударных атомных подводных лодок типа «Лос-Анджелес» с крылатыми ракетами «Томагавк» на борту. Правда, военные моряки тут как-то не очень бросаются в глаза в отличие от туристов, хотя тоже обеспечивают штату существенную долю поступлений в бюджет. Но Перл-Харбор – это лишь самый известный военный объект, отнюдь не единственный. На островах есть другие объекты ВМС, а также базы сухопутных войск и Национальной гвардии. Мало того, что на островах постоянно находятся около 50 тысяч военнослужащих, так еще не менее 20 тысяч островитян работают на военных базах. Поэтому антивоенные выступления на Гавайях никогда не были в чести.

Большой кабинет, затерявшийся в недрах здания разведывательного штаба ВМС, имел всю причитающуюся ему по рангу атрибутику: звездно-полосатый флаг в углу, карту Тихого океана во всю стену справа от внушительного письменного стола и огромную панель плазменного телевизора на противоположной стене. Немалое количество фотографий, изображавших, судя по всему, хозяина кабинета в разные периоды его службы на флоте и в военно-морской разведке, занимало все свободное пространство вокруг черного прямоугольника экрана.

А вот портрету президента в кабинете места не нашлось – это выглядело тонким намеком на то, что хозяин кабинета пересидел в своем кресле уже не первого обитателя Белого дома и, вероятно, не последнего. Во всяком случае, занимавший сейчас его место седоватый представительный мужчина в штатском пришел именно к такому выводу и улыбнулся. Сам хозяин, высокопоставленный офицер разведки флота, в данный момент находился в отпуске где-то на материке.

Сидевший с противоположной стороны стола звероподобный верзила в мундире старшего офицера морской пехоты в столь высокие материи не вдавался и поводов для смеха не находил. В отличие от поводов для огорчения. Начать хотя бы с того, что шпиона раскрыли фэбээровские крысы, а не он сам, довольно долго прослуживший рядом с предателем и ничего не заподозривший. Как результат – он, майор морской пехоты, оказался, по сути, в оперативном подчинении у этого штатского. А потом – хоть шпиона и удалось задержать, после операции в госпитале оказалась половина группы захвата, в том числе шестеро – с огнестрельными ранениями различной степени тяжести. При том, что этот сукин сын был один и до начала столкновения при себе оружия не имел. То, что потери в основном понесли агенты ФБР, майора утешало слабо. Впрочем, почему этот ублюдок Митчелл с ними не церемонился, даже для Гарланда объяснялось просто – все равно ему теперь меньше чем пожизненное не светит.

Седоватый фэбээровец в который раз перелистывал лежавшее перед ним досье капитана Джорджа Митчелла. Нет, ну надо же... Все безукоризненно. Никаких зацепок. Родился, учился, завербовался в морскую пехоту, принимал участие в зарубежных операциях, имел награды, ни в чем подозрительным замечен не был. Был женат, развелся – жена нашла себе другого, пока он был в очередной «зарубежной командировке», детей нет.

– Все чисто. Прямо стерильно. Единственное, что немного настораживает, – задумчиво произнес фэбээровец, – так это то, что мать Джорджа Митчелла была русской. Из тех русских, которых мутная вода Второй мировой вынесла в Европу и которые после ее окончания по разным причинам предпочли оказаться как можно дальше от горячо любимой родины. Точнее сказать, подальше от того, что там творили коммунисты. Вот только сама миссис Митчелл

родилась уже в Америке и умерла пять лет назад в Бостоне. И никогда не была в России. Не ездила туда даже тогда, когда железный занавес рухнул. Так что это для нас не зацепка. Среди живущих в Америке русских немало тех, кто любит свое новое отечество больше, чем сами американцы.

Майор Гарланд, по делам службы хорошо знакомый с содержимым этого досье, лишь сокрушенно качал головой: надо же, полтора года плечом к плечу прослужили, а так и не разглядел эту суку, доверился! Кого пригрели!

– Как бы то ни было, майор, косвенных доказательств шпионской деятельности капитана Митчелла более чем достаточно. Мы за ним следили уже довольно давно, но он действовал очень аккуратно, поэтому надо было поймать его «за руку». Жаль, что голубя с флэшкой так и не подстрелили и даже не отследили. Птичка улетела, а то, что она унесла, было единственным свидетельством, достойным внимания суда. Это значит, что прямых улик против Митчелла по-прежнему нет. Так что пока мы можем предъявить ему лишь сопротивление при задержании. И, что самое главное, ФБР пока неизвестно имя резидента.

– Резидента? – удивленно переспросил майор. Ему как-то не приходило в голову, что Митчелл мог действовать не один.

Фэбээровец снова усмехнулся:

– Вряд ли Митчелл действовал в одиночку. Кому-то он должен был передать полученные сведения. Иначе зачем ему понадобилась птица? Неужели только для того, чтобы вынести украденное с базы? Нет, это как раз так и есть, но не себе же самому он их отправил. У него ведь дома нет голубятни. Он вообще, по-моему, не был замечен в чрезмерной любви к животным. По крайней мере, в досье таких сведений нет. У него в квартире даже тараканы не водятся. С другой стороны, не в Москву же голубь улетел! И даже не в Пекин. Вы представляете себе голубя, способного перелететь океан, тем более с флэшкой на лапке? Я – нет. Но одна зацепка у нас все же есть.

– Какая же? – озадаченно поинтересовался Гориллоид.

– Птица, майор, как ни странно. Та самая птица, которая унесла доказательства его шпионской деятельности, – самодовольно усмехнулся его собеседник. – То, что она улетела, не значит, что мы остались ни с чем. Это ведь был почтовый голубь, явно хорошо дрессированный и привычный к местным условиям. То есть улетел он недалеко и наверняка живет в зарегистрированной голубятне. Ведь держать таких птичек лучше в открытую – находясь на виду, они меньше привлекают внимания. Наши агенты уже шустрят по всем Гавайям и очень аккуратно проверяют всех любителей почтовых голубей.

– А что же Митчелл?

– С ним работают, – успокаивающе проговорил фэбээровец, заметив потемневшее лицо Гарланда. Взрывной нрав майора мог создать еще немало проблем во время ведущегося расследования.

– Молчит? – наливаясь яростью, завибрировал Гориллоид.

– Возможно, он и в самом деле не знает ни имени резидента, ни всего остального.

Майор внезапно успокоился и с кривой усмешкой произнес:

– Послушайте, Фергюсон... Хотя бы размер ущерба вы уже определили? Хотя бы приблизительно?

Фэбээровец, наоборот, перестал улыбаться, пожевал губами и сказал:

– Вообще-то это секретная информация... Но, поскольку мы с вами работаем вместе...

С его слов выходило, что ущерб обороноспособности США капитан Митчелл нанес немалый. Во-первых, вероятный противник наверняка получил подробную информацию о типовых маршрутах патрульных самолетов противолодочной авиации флота, включая графики прочесывания тех или иных квадратов. Во-вторых, эти самолеты отслеживали не только иностран-

ные подводные лодки, замеченные в зоне патрулирования, но и свои собственные. И эти сведения тоже находились в бортовом компьютере «Ориона»...

– То есть получается, что разведывательные самолеты США фактически шпионили в пользу другой страны, – хмыкнул Гориллоид, которого это обстоятельство сильно позабавило.

– И страны не слишком дружественной, – уточнил Фергюсон. – Замечу, майор Гарланд, то, что мы его взяли, это мы только ниточку ухватили, а не весь клубок размотали.

– Что вы собираетесь делать с ним дальше? – Похоже, у звероподобного майора было в запасе много вопросов. Додумывать недостающие детали самостоятельно он не любил.

– Ввиду особого вреда, – странно улыбаясь, проговорил фэбээровец, – который Митчелл нанес нашей обороне, руководством принято негласное решение, если он не заговорит сам, обработать его... по определенной методике.

Гориллоид ухмыльнулся, ощутив приятную двусмысленность последней фразы, но внешне его мысли приняли иное направление:

– Как думаете, Фергюсон... те, на кого он работал, знают о его аресте?

Фэбээровец кивнул:

– Думаю, что да. Даже если у ангара никто его не прикрывал и он действовал на свой страх и риск. Как минимум они догадываются. Просто должны догадываться. Учитывая, сколько времени уже прошло с момента задержания... Я уверен, нет, убежден, что у них был какой-нибудь сигнал или условный знак. И, может быть, даже не один. Например, по дороге на службу Митчелл обязательно проезжал мимо одного и того же книжного магазина. Или каждый вечер оставлял в Интернете безобидное сообщение на каком-нибудь идиотском форуме кулинаров-любителей. Выставлял ботинки на левой стороне крыльца, приходя со службы. Или особым способом расставлял цветочные горшки на окне... Да мало ли как. Вариантов масса. Главное, что в его отсутствие сигнал, что все в порядке, никто подать не мог. Нет агента – нет сигнала. А нет сигнала – значит, арестовали. Или как минимум случилось что-то серьезное. Это ведь очень простая на самом деле система – агент регулярно, необязательно ежедневно, можно реже, выставляет понятные и заметные лишь посвященным сигналы. Пропустил сеанс – и они поднимают тревогу. Вряд ли они не предусмотрели такой ситуации. Ведь Митчелл, учитывая, к чему он имел доступ, – очень ценный агент. Данные, скопированные им из «Ориона», – это далеко не все, что он для них добыл. Это лишь то, что нам достоверно известно. И то – для суда практически недоказуемо. К тому же одно дело, если он завербован недавно. А если он пришел в морскую пехоту, будучи вражеским шпионом изначально? Я не возьмусь даже приблизительно оценить ущерб, нанесенный им за эти годы.

Фергюсон помолчал, что-то обдумывая, и сказал:

– Так что не будем разочаровывать его хозяев. Мы подтвердим, что он арестован, поскольку долго скрывать это вряд ли удастся, но сделаем это так, чтобы они не почувствовали подвоха. Во-первых, надо, чтобы информация об аресте шпиона просочилась в прессу. Лучше всего – организовать пресс-конференцию с привлечением максимального числа аккредитованных в Гонолулу журналистов. Но подать все это следует так, будто он попался по чистой случайности. Из-за чрезмерного служебного рвения охранников авиабазы, например. То есть они случайно оказались в одной точке. А вовсе не то, что его там ждали. Во-вторых, в общении с журналистами как бы невзначай озвучить, в какую именно тюрьму отправляют Митчелла до суда. В-третьих, посмотреть, что из этого получится. Кто и как будет реагировать... Вот только тюрьма нам нужна серьезная, а главное – чтоб никаких правозащитников у ворот!

Майор осклабился:

– Есть только одно действительно надежное место – плавучая тюрьма «Долина цветов». Там-то точно никто у ворот митинговать не будет. Потому как никаких ворот у этой тюрьмы нет...

Фергюсон тоже улыбнулся. Тут звероподобный морпех попал в точку. На Гавайях действительно не было более подходящего места. Тем более на суше. Протянувшийся на сотни миль архипелаг состоит в основном из небольших островов, где земля стоит бешеные деньги и уже давно поделена между заповедниками, поселениями аборигенов и туристическими объектами. К тому же никто не хочет, чтобы такого рода «исправительные учреждения» портили местные пейзажи, действительно бесподобные.

Под плавучие тюрьмы обычно переделывались отслужившие свое вспомогательные корабли военного флота – танкеры, войсковые транспорты или плавбазы подлодок. Но здесь, в районе Гавайев, в таком качестве использовался бывший «авианосец сопровождения», списанный еще в конце 60-х годов прошлого века.

Гориллоид вдруг задумался:

– И что – все эти журналюги действительно будут знать точное время, когда Митчелла препроводят в плавучую тюрьму?

Фергюсон улыбнулся, но выглядела его улыбка зловеще:

– Естественно. Более того, я позабочусь, чтобы хотя бы парочка местных телестанций организовала об этом репортаж. А то ведь газеты мало кто читает, зато телевизор смотрят все... Посмотрим, что предпримут друзья «бедного Джорджа». Глядишь, и выясним, для кого он рыбку ловил.

Глава 4

Сборы по уже начавшей складываться традиции были короткими. Да и что было собирать их дружной троице в маленькой аэродромной «гостинице», служившей им лишь походным пристанищем между вылетами и отдыхом вне службы, если все равно брать личные вещи в подобные командировки запрещалось строжайшим образом? Однако когда экипаж вернулся к ангарам, «Громобоя» на прежнем месте уже не было. Возглавляемые Трофимычем сновистые парни в серых комбинезонах техников быстро разобрали грозную боевую машину на модули, запаковали в огромные водонепроницаемые контейнеры, похожие на темно-серые чемоданы, украшенные красно-оранжевыми поплавками по периметру, словно связкой сосисок. Сверху каждый из контейнеров венчала целая гроздь грузовых парашютов. Рядом с двумя массивными «чемоданами» возвышалась хорошо знакомая туша реактивного транспортника со скошенными назад крыльями. «Ил-76МД», основная «рабочая лошадка» российских ВВС. Шустрые техники, закончив упаковывать «Громобой», запустили установленную в утробе «Ила» лебедку и принялись аккуратно закатывать увесистые контейнеры – тонн на пять каждый – внутрь самолета. Летчики, похоже, не собирались ждать окончания погрузки – Георгий еще на пути к ангарам явственно слышал нарастающий гул разогреваемых турбин. Значит, дело очень спешное, раз имеет место столь вопиющее нарушение служебных инструкций, подумал пилот. Со стороны командного пункта показался уже знакомый «уазик». Генерал Острохижа, как видно, не собирался отпускать их одних. То ли без себя, то ли без теплого напутственного слова. Не слышавшая подъезжающей машины, Людмила поинтересовалась у стоявшего рядом Романчука:

– Слушай, Петь, а чего это они наш вертолет разобрали?

Вместо стрелка-оператора ответил Иванисов:

– Это же просто, Люда. Своим ходом до Гавайев – если, конечно, генерал не пошутил, и нам действительно туда, – не всякий вертолет долетит, даже с подвесными баками. И то, если с американского континента, там расстояние поменьше, чем с Сахалина, например. Вокруг на сотни или даже тысячи километров только Тихий океан. То есть никаких аэродромов нет, тем более дружественных. Те острова, что там все-таки есть, либо просто непригодны даже на роль площадки подскока, либо плотно контролируются американцами. Самолет-заправщик тут тоже не поможет – во-первых, это наш «Громобой» умеет «растворяться в воздухе», а воздушный танкер – нет, его заметят еще над Сахалином. А во-вторых, крейсерская скорость у нашего вертолета даже в самолетном режиме меньше, чем у реактивного транспортника, а если ему придется лететь быстрее, чтобы держаться рядом с танкером, возрастет и расход топлива, и риск аварии. И опять же шансы быть замеченными тоже вырастут. Причем многократно.

– Так что же, нашего «Громобоя» отправят на Гавайи дипломатической почтой? – рассмеялась своей «догадке» Людмила. На то, что обычно неразговорчивый пилот дал ей неожиданно подробные объяснения, девушка внимания не обратила. Зато стрелок насупился и отвернулся.

– Нет, способ доставки у нас, по-моему, немножко другой. – Георгий тоже улыбнулся. – Хотя идея интересная, надо предложить начальству.

Людмила, представив реакцию генерала Острохижи, снова прыснула, а Петр демонстративно зевнул – тоже мне, тему для разговора нашли – и легкомысленно бросил:

– Да ладно, как-нибудь доберемся, раз уж посылают, то, надо думать, и дорогу покажут... Мне вот что интересно: может, между делом на каком гавайском пляже удастся все-таки позагорать? Генерал, конечно, круто нас обломал на этот счет, но вдруг? Я и плавки прихватил... Моднючие. Охота на американских девиц живьем посмотреть, проверить, насколько они на картинке в «Плейбое» похожи.

– Ты лучше на себя в зеркале посмотри, тоже мне, «мачо в трусах от Версаче» нашелся! – возмутилась уязвленная Людмила. Неизвестно, хотел ли Петруха ее задеть, но получилось неслабо. Надо же, на американок силиконовых его потянуло, сердито подумала корректировщица. Чего ж тогда ко мне клеишься при каждом удобном и даже неудобном случае?

– Тебе хорошо, – фыркнул в ответ Романчук. – Ты ведь, Людка, я так понимаю, с нами вместе только до следующей остановки, дальше отдельно полетишь. Легально, как белый человек. С паспортом и комфортом. В бизнес-классе на каком-нибудь «Боинге». Не то что мы, как негры в трюме. И мне еще и помечтать нельзя. Ну вы, блин, даете...

– Так, все, потом помечтаешь. В воздухе. – Иванисов не любил пустопорожних перепапок и решительно оборвал едва наметившийся обмен колкостями. – Всем подняться на борт. До взлета осталось всего ничего, а у нас еще инструктаж. Вот, кстати, и генерал приехал. Смирно! – Позади него гулко хлопнула дверца «уазика». Генерал-лейтенант Острохижа махнул рукой:

– Вольно. Я смотрю, вы уже собрались? Никто ничего не забыл? Очень хорошо. Значит, у нас есть еще минутка для разговора по душам...

Глава 5

В конференц-зале отеля «Пасифик Плаза» в центре Гонолулу, столицы штата, сегодня было непривычно шумно и многолюдно. Но понять журналистов, до отказа заполнивших не такое уж маленькое помещение, было несложно – в конце концов, не каждый день на Гавайях ловят иностранных шпионов. Гораздо реже, чем сюда приезжают отдыхать разные знаменитости, которые либо шарахаются от микрофонов и объективов, либо бросаются на журналистов в лучшем случае с кулаками, а то и с чем потяжелее. А тут – надо же, пресс-конференция. То есть – сами позвали. Повторять приглашение никому не пришлось.

За столом, уставленным микрофонами с логотипами мировых информационных агентств, возвышались специальный агент Фергюсон (как же без него, родного), какой-то хмырь из местного управления ФБР (майор как ни старался, так и не запомнил его фамилию), сам Гарланд и командер Баррент из разведывательного штаба флота. Однако на вопросы отвечал в основном Фергюсон. Говорил он много и складно, так что к его соседям, которые в основном отмалчивались, вежливо улыбаясь, никто из корреспондентов особо не лез. Майора и вовсе не беспокоили – похоже, писак отпугивала его внешность. Очень уж многим его физиономия напоминала персонажа недавнего блокбастера про «золотую армию» (вот только спиленных рогов на лбу у майора не наблюдалось, да и с чувством юмора было похуже, чем у так похожего на него киногероя). От вынужденного бездействия и слепящего света софитов и фотовспышек Гарланда начало клонить в сон, но он вынужден был держаться. Суть ответов фэбээровца в принципе сводилась к следующему: мол, просмотрели, наша вина, не учли, примем меры по недопущению подобного в дальнейшем, и все такое прочее. Вопросы в принципе чрезмерным разнообразием не страдали, и «ответчику» пришлось немало поизощряться, чтобы одни и те же, по сути, ответы каждый раз звучали по-новому. Как бы между делом Фергюсон рассыпался в похвалах охране базы, благодаря умелым действиям которой, в том числе присутствующего здесь майора Гарланда, «чисто случайно» и был задержан подозреваемый. Майор, хоть и знал, что это всего лишь словесная лапша, непроизвольно принял гордый и самодовольный вид. «Акулы пера и шакалы голубого экрана», неосторожно вообразив, что «кающийся» Фергюсон – легкая мишень, с профессиональной наглостью наезжали на фэбээровца.

– В пользу кого, по вашему мнению, шпионил капитан Митчелл? – почти выкрикнула эффектная блондинка в розовом костюмчике и первой сунула микрофон вперед, причем так резко, что фэбээровец непроизвольно дернулся назад, но тут же взял себя в руки и вежливо улыбнулся.

– Уточню, мисс... – Фергюсон замешкался, пытаясь разглядеть ее фамилию на бейджике и сделать это так, чтобы никому не показалось, будто он любит ее выдающимся во всех смыслах бюстом. – ...Мисс Арчер. Я вовсе не говорил, что капитан Митчелл – шпион. Я сказал только, что он был задержан по подозрению в шпионаже. Является ли он шпионом – решит суд. До вынесения приговора Джордж Митчелл всего лишь подозреваемый. Однако могу сказать, что по одной из версий следствия он сотрудничал с иностранными спецслужбами, возможно, российскими или китайскими. Но повторюсь – это пока только подозрение, а не доказанное обвинение. Мы с вами, слава богу, живем в демократической стране, в которой ни один гражданин не может быть осужден без доказательств его вины...

– Какова будет его дальнейшая судьба, если ваши подозрения подтвердятся? – Инициативу у блондинки перехватил высокий смазливый брюнет, представлявший местный новостной канал.

– Начнем с того, мистер, э... – этого парня Фергюсон тоже не знал, но у него, слава богу, буквы на бейдже были крупнее. – ...Ронсон, что капитан Митчелл не просто вызвал наши подозрения. Он находился в месте, в котором никак не должен был находиться, если исходить

из круга его служебных обязанностей. Более того, он оказал при аресте вооруженное сопротивление и тяжело ранил нескольких сотрудников ФБР и военнослужащих из состава охраны базы. Ему уже предъявлено обвинение в совершении преступления первой степени тяжести. Остальное установит следствие, затем дело будет передано в суд присяжных. В случае, если его вина будет полностью доказана – мистера Митчелла ожидает пожизненное заключение без права на досрочное освобождение. Кроме того, в самое ближайшее время по соображениям безопасности он будет переведен в федеральную плавучую тюрьму «Долина цветов». До суда. Так что, если господа репортеры желают заснять для своих газет и телеканалов отправку подозреваемого в тюрьму, то это событие состоится послезавтра, во второй половине дня, предположительно, около 18 часов по тихоокеанскому времени. О возможных изменениях мы обязательно сообщим всем, кто оставит свои контактные телефоны и адреса электронной почты...

Коллега Фергюсона объявил, что пресс-конференция закончена. Журналисты всей толпой ломанулись к дверям, надеясь успеть услышать что-нибудь еще на выходе. Специальный агент ФБР двинулся к машине, старательно уклоняясь от микрофонов и диктофонов, которые пишущая и снимающая братия норовила сунуть ему под нос, доканывая вопросами: мол, «как выяснили», «какие у вас доказательства» и все такое прочее.

Журналистская банда, похоже, не очень-то поверила во все, что услышала. Но Фергюсон не расстраивался – другой информации им никто не дал, значит, напишут то, что услышали. Пусть не верят, писаки чертовы. Главное, чтобы поверили те, ради кого все это затевалось.

И он, проталкиваясь к лимузину, продолжал играть свою роль, в который раз с суровым видом отвечая, что Митчелл, если его вина, конечно же, будет доказана, понесет наказание по всей строгости федеральных законов.

Его последние слова практически заглушил чей-то голос, искаженный и усиленный мощными динамиками, раздавшийся из-за угла здания отеля:

– Подлые убийцы! Одумайтесь! Они ведь хотят жить!

Все дружно принялись недоумевающе оборачиваться, фэбээровец и Гориллоид не стали исключением. Из-за угла выкатился микроавтобус, похожий на большого жука и раскрашенный в канареечные цвета, по всему корпусу были намалеваны пасторальные коровки, веселые мультяшные свиньи, порхающие птички. На крыше «Фольксвагена» связка древних динамиков, типа «матюгальник», ритмично выплевывала фразы:

– Мясо – это мертвая плоть! Вы едите мясо – вы оправдываете убийство животных! Свинья – такая же умница, как и человек! Есть говядину – антигуманно! Шубы из натурального меха – пещерное варварство!

Канареечный микроавтобус с издевательской медлительностью катил мимо отеля. За рулем сидела симпатичная, хотя и немолодая дама с решительным выражением на лице и микрофоном в руках. Одежда дамы была столь же пестрой расцветки, как и ее «Фольксваген». Динамики на крыше микроавтобуса неумоимо продолжали выкрикивать странноватые лозунги и призывы. Журналисты, кто с перепугу, кто с досады, принялись прятать камеры, микрофоны и диктофоны. Во всяком случае, никто из них не записывал и не снимал. Большинство из них уже имели неосторожность оказаться на пути полупомешанной дамочки и связываться с ней снова не желали. Фэбээровец, воспользовавшись тем, что всеобщее внимание переключилось на другой объект, сел в машину, которая тут же рванула с места...

– Кто эта чокнутая баба? – искренне изумился майор, когда Фергюсон нырнул в салон под звуки разносящихся по всей округе лозунгов. В машине, кроме них и водителя, больше никого не было – остальные участники пресс-конференции покинули здание отеля через другой выход, да и транспорт у них был свой.

Фергюсон скривился:

– Ну, если покороче, это – миссис Джулия Роббинс, полусумасшедшая миллионерша, помешанная на вегетарианстве. Несколько лет назад, после смерти мужа, перебралась в Гоно-

лулу с материка. Ей, по-моему, лет под пятьдесят или около того. Муж, по слухам, не ладил со своей родней, оставил ей одной все свои миллионы, детей у нее вроде бы нет. Видно, когда осталась одна, нечем больше было заняться. Основала на Гавайях собственное общество по охране животного мира, выступает против употребления мяса, рыбы и всего подобного, при этом в довольно агрессивной форме пропагандирует свои сомнительные идейки. Ну, это вы сами видели. Естественно, никто ее не трогает, поскольку никаких законов штата она не нарушает, драк и прочих беспорядков не устраивает, а разрешение властей для организации пикетов вокруг невегетарианских ресторанов ей не требуется. У нашего Бюро к ней претензий тоже пока не имеется – ее деятельность не противоречит федеральному законодательству. И потому ее микроавтобус с матюгальником на крыше – уже такая же составляющая городского пейзажа Гонолулу, как барышни в купальниках-«топлес» на местных пляжах.

– Девушки в купальниках мне нравятся больше, – ухмыльнулся Гориллоид, провожая взглядом канареечный микроавтобус ненормальной миссис Роббинс.

Глава 6

В первом прыжке «семьдесят шестой» всего за несколько часов одним махом добросил «Громобой» и его экипаж до Хабаровска. Здесь транспортник пополнил запасы топлива и уменьшил и без того небольшое число пассажиров – Людмиле, как наземному корректировщику, отсюда предстояло добираться до Гавайских островов совсем другим маршрутом. Как ранее с юмором, но все равно очень верно подметил Романчук, легально и с комфортом. То есть с британским паспортом в кармане и на борту транзитного лайнера компании «Эр Франс», летящего из Парижа в Токио. А в камере хранения в Токийском аэропорту девушку уже ждал билет на рейс «Японских авиалиний» до Гонолулу. Если все пойдет как планировали, думал Петруха, засыпая в брюхе «семьдесят шестого» где-то над китайской границей, то ей достанется самая легкая часть операции.

Вторую посадку их «Ил-76», взяв с берегов Амура курс на юг и оставив за один раз позади весь восточный Китай, совершил на вьетнамской земле.

Аэродром военной базы Камрань своим нынешним видом произвел на летчиков удручающее впечатление. Словно мертвая пустыня. Только редкие фигуры во вьетнамской военной форме, похожие на заблудившихся пешеходов, ржавая колючая проволока, потрескавшийся асфальт и облезлые, давно не отремонтированные аэродромные постройки. И несколько разнокалиберных самолетов и вертолетов, на фоне общего запустения смотревшихся совершенно инородно, будто их сюда случайным ветром занесло.

А ведь лет двадцать пять назад это был крупнейший советский военный объект в Южной Азии, авиабаза и пункт базирования кораблей Тихоокеанского флота... Лучше всех это мог подтвердить генерал-лейтенант Острожижа, которого в бытность его еще молодым офицером однажды занесло сюда на пару дней в середине восьмидесятых. Тогда база, нацеленная на противостояние американским базам на Филиппинах, занимала площадь в сотню квадратных километров, а общая численность советских военных специалистов и членов их семей достигала 10 тысяч человек. В Камрани в те годы базировалось около двух десятков надводных кораблей, оперативная дивизия подводных лодок и смешанный авиаполк, основу парка которого составляли 15 истребителей-перехватчиков «МиГ-25» и 20 самолетов «Ту-16» различных модификаций, в составе полка имелись также многоцелевые истребители «МиГ-23», дальние разведчики «Ту-95РЦ» и противолодочные самолеты «Ту-142», а также транспортные самолеты и вертолеты. Но со временем база пришла в запустение вследствие отсутствия как средств на ее полноценную эксплуатацию, так и острой необходимости в наличии подобного объекта. При изрядной протяженности советского дальневосточного побережья силы Тихоокеанского флота были все же невелики, и с их обслуживанием вполне справлялись базы на своей территории. К тому же в мире тогда заметно «потеплело». Уже в 1990 году, еще до развала Советского Союза, во Вьетнаме остался лишь небольшой авиаотряд из десятка самолетов, корабли и подлодки годом ранее ушли на Камчатку и во Владивосток. Вьетнамскую сторону статус Камрани как заштатного пункта базирования не устраивал, вьетнамцы предпочли бы иметь здесь большой российский контингент с соответствующими финансовыми вливаниями, от которых бы им, несомненно, что-то перепало. Когда эти идеи не нашли поддержки и понимания в Москве, вьетнамцы все чаще стали заговаривать о том, чтобы россияне в дальнейшем платили за использование Камрани. Срок аренды заканчивался в 2004 году, но российское руководство, трезво оценив ситуацию, предпочло отказаться от базы досрочно – последний российский военный служащий покинул Камрань за два года до истечения этого срока. Ходили слухи, что прагматичные вьетнамцы хотели предложить Камрань китайцам или даже американцам, которые, собственно, и основали базу в шестидесятые годы прошлого века. Потом пошли разговоры о перепрофилировании Камрани в гражданский порт. Ничем определенным

это до сих пор не кончилось, и Камрань продолжала разрушаться – у Вьетнама не было денег даже на поддержание базы в прежнем состоянии, не говоря уже о восстановлении и модернизации.

Сейчас Василий Петрович смотрел на знакомые вроде бы места и не узнавал. Эхом былого величия маячил в углу летного поля списанный еще в советские времена морской разведчик «Ту-16МР», который так и не удосужились убрать, даже когда готовились к так и не состоявшемуся приезду Путина в Камрань. Поблизости возвышалась пара древних вертолетов, раскуроченных за четверть века до полной неузнаваемости. Приползший к «Илу» грязно-желтый топливозаправщик – завезенный сюда, наверное, еще при Брежневле «КраЗ» с огромным прицепом, ныне ведомый желтолицым водителем, – с заметным облегчением замер возле их самолета, но вскоре снова застонал-зачихал, выдавливая содержимое своей цистерны в баки транспортника. Иванисов слушая эти душераздирающие звуки, до самого конца заправки не был уверен, что все обойдется. Однако обошлось. Дозаправившись, «Ил-76» взял курс на юго-восток. Теперь уже без остановок и зигзагов прямо на Гавайи.

Георгий Иванисов проснулся оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел над собой суровое лицо генерал-лейтенанта Острохижи. Сон как рукой сняло.

– Василий Петрович? Что, уже?

– Не суетись, Жора. До точки высадки еще час, – успокоил его Острохижа. – Я тут кое-что еще уточню с нашими перевозчиками, а ты разбуди своего напарника, пора уже ставить вам задачу на следующую фазу операции. Извини, раньше не мог. У меня тоже есть инструкции.

Когда генерал вернулся из пилотской кабины, оба вертолетчика уже были готовы ознакомиться с недостающими деталями плана. Окинув их придирчивым взглядом, генерал довольно усмехнулся:

– Вижу, вам уже не терпится... – Он посерьезнел и сказал: – Значит, так, товарищи офицеры. Диспозиция у нас на данный момент такая. В заданном квадрате неподалеку от интересующей нас части Гавайских островов два контейнера, содержащие модули «Громобоя», будут сброшены на парашютах. Уточняя: сброшены в нейтральных водах. Не в американских.

– Товарищ генерал-лейтенант, – не утерпел Романчук, – с этим ясно. А как же мы?

– Экий вы нетерпеливый, старший лейтенант. Подождите, дойдет очередь и до вас.

Острохижа недовольно покачал головой, но все же продолжил:

– Следом за контейнерами с вертолетом будет десантирован еще один модуль. Также с парашютом. Это закрытая прорезиненная капсула, что-то вроде спасательной надувной лодки с надстройкой или, точнее сказать, плотика. Поскольку мотор там не полагается, да и на веслах на ней не разгонишься, если я правильно понял. Учитывая тот факт, что сброс всех объектов будет производиться с приличной высоты, примерно восемь тысяч метров, – чтобы не вызвать у американцев подозрений, – к тому же на воду, вы будете десантироваться внутри этой капсулы, в кислородных масках.

Пилот и стрелок-оператор переглянулись – вариант малосимпатичный, но лучшего в их распоряжении не имеется. Плюхнуться просто в воду ничуть не безопаснее, особенно если не успеешь избавиться от парашюта, и ничем не приятнее. Даже в тропиках. Разве что привычнее... Генерал выдержал небольшую паузу и перешел к той части плана, которая определяла их действия после приводнения:

– И груз, и вас обоих в точке высадки должен подобрать... наш корабль, назовем его пока... траулер. Во всяком случае, внешне он очень похож на обычное рыболовное судно, и пока что все, кто его видел со стороны, верят, что это траулер. С чем-то подобным вы уже имели дело. Поскольку бегают он потише, чем торпедный катер, не говоря уже о «Громобое», то вышел он из Владивостока еще до того, как вы услышали про Гавайи первый раз, так что уже должен быть в этом секторе. Или хотя бы в соседнем квадрате. Когда вы приводнитесь, вас и «Громобой» поднимут на борт этого траулера. Вертолет освободят из десантных модулей,

соберут, подправят, заправят, протестируют, и тогда... Ну, скажем так, я расскажу вам окончание этой сказки. Все ясно?

– Ясно, – переглянувшись, дружно кивнули вертолетчики. Что ж тут непонятого, подумал Романчук, за исключением того, на кой ляд начальству сдались эти Гавайи. А Георгий вдруг спросил:

– Товарищ генерал-лейтенант, а «семьдесят шестой» куда дальше полетит? Ему что, керосина назад до Камрани хватит? Я, конечно, понимаю, что мы и вертолет – груз для такой машины не слишком большой, но все же...

– Ты не поверишь, Жора, – генерал Острохижа как-то странно улыбнулся, – но он не полетит назад в Камрань. Он... сядет в Гонолулу.

Вдоволь насладившись изумлением на лицах своих подопечных, генерал сжалился над ними и объяснил:

– Само собой, американцы засекут «Ил» еще на подходе к островам. Как по-вашему, что они подумают, когда самолет, опознанный как российский, да еще идущий прямо на Гавайи, на границе территориальных вод вдруг повернет обратно? Правильно, что он кого-то высадил и уходит. Погони, может, и не будет – пока они поднимут перехватчики с островных авиабаз, «семьдесят шестой» будет уже достаточно далеко – в этом секторе у них сегодня нет авианосцев, да и международный скандал никому не нужен, но они все равно насторожатся. Так зачем ему поворачивать? Когда он сядет в Гонолулу, вас на борту уже не будет, меня... тоже. Но когда он сядет, у наших заклятых друзей возникнет другой вопрос – почему большой грузовой самолет летит порожняком? К тому же самолет военной модификации. Сама по себе посадка самолета ничего не значит, все самолеты рано или поздно приземляются. Но если после посадки на их территории он полетит обратно в Россию, это опять может дать им повод для подозрений. Не мог же военный самолет так сбиться с курса, верно? А для полетов на максимальную дальность хватило бы и территории нашей необъятной Родины. Тогда зачем он сюда прилетел, спряят они? Как нам не дать им повода для беспокойства?

– Так какой у нас план, товарищ генерал-лейтенант? – вопрос озвучил Иванисов, но по лицу Петрухи было ясно, что стрелку тоже очень интересно.

Острохижа снова улыбнулся:

– А план у нас простой. Вернее, сама жизнь нам его сильно упростила. Очень вовремя одна частная авиакомпания в Венесуэле взяла в аренду у нас, то есть у ВВС России, несколько транспортных самолетов «Ил-76», намереваясь использовать их исключительно с благой целью – для перевозки гражданских грузов. И по документам – замечу, абсолютно достоверным документам – этот самолет, первый из заказанной партии, сейчас просто перегоняют из России в Южную Америку через Гавайи. Так что он совершенно спокойно сядет в Гонолулу, дозаправится и полетит дальше, к новым хозяевам, то есть арендаторам. Вот и все.

– Супер! – восхищенно выдохнул Романчук, Иванисов лишь молча покачал головой. Впрочем, его лицо выражало примерно те же чувства, что и у стрелка.

Генерал, довольный произведенным впечатлением, ухмыльнулся как мальчишка:

– Так-то вот... Ладно, пора готовиться к посадке. Уже скоро.

Он встал, намереваясь проведать экипаж транспортника, но его опередили – из кабины появился штурман. Лицо у него было встревоженное. Острохижа тоже перестал улыбаться:

– Что случилось, капитан?

– Товарищ генерал-лейтенант! Впереди – атмосферный фронт. Он широкий, с грузом на борту обойти не получится. Нагрузка хоть и не предельная, но на расходе топлива и высоте сказывается ощутимо, вы же понимаете. Командир считает, что идти в лоб с нашим грузом опасно. Хотя порожняком он бы рискнул подняться повыше и пройти краем фронта. Но и тогда топлива хватит только до Гонолулу, да и то в обрез. Что скажете?

– Как далеко мы от точки встречи? – решительным тоном задал вопрос генерал.

Штурман ответил с некоторым сомнением в голосе – все-таки самолет не стоял на месте и величина, интересовавшая генерала, постоянно менялась:

– Километров семьдесят-восемьдесят. Может, сейчас уже чуть меньше...

Острожижа раздумывал недолго:

– Не назад же поворачивать! Будем десантировать...

Глава 7

Маленькое квадратное помещение без окон, яркий, но не режущий глаза свет, льющийся с потолка. Серые стены с мягким зеркальным блеском, словно облицованные стеклом. Ни мебели, ни оборудования. Ничего. Только большое кресло в центре. Глубокое кресло с высокой спинкой.

В кресле, крепко пристегнутый к нему кожаными ремнями, сидел человек, которого следователи продолжали называть Джордж Митчелл – за неимением другого имени. К кончикам пальцев и ко лбу прикреплены датчики, провода от которых уходили куда-то под сиденье. Митчелл знал, что это за «кресло с проводами». Полиграф, более известный широким народным массам как «детектор лжи». Честно говоря, некоторая неторопливость тех, кто занимался исследованием, его даже удивляла. Он-то ожидал оказаться здесь – или в любом подобном месте – едва ли не в первый же день. Точнее, в первую же ночь. Но оказался лишь сейчас.

Двери в поле зрения не наблюдалось. Судя по всему, она находится позади кресла. Если, конечно, вся стена не является дверью. Окон тоже нет. Впрочем, если эта комната глубоко под землей, то откуда им взяться. Кстати, откуда взялась эта уверенность, что данное помещение находится, как говорится, «ниже уровня моря» – из-за низкого потолка и отсутствия окон или есть какое-то иное объяснение? Интересно, за которой стеной спрятана аппаратура? Наверное, прямо перед ним – чтобы следователи могли смотреть на его лицо. Цепочка безответных вопросов уперлась в самый животрепещущий из них – что дальше?

Ощущение того, что перед ним кто-то есть, а он этого кого-то не видит, вроде бы не раздражало, но Митчелл все же закрыл глаза. Голова здорово болела, в горле жгло, мышцы ломило, как у старика на резкую перемену погоды, однако при этом в глазах не двоилось и сознание было подозрительно ясным. Интересно, чем они меня накачали, равнодушно подумал он. Как именно «повезло» здесь оказаться, капитан тоже сказать не мог. Путь в эту комнату почему-то совершенно не отложился в его памяти. Но подумать над этой странной деталью ему не дали.

Динамики, спрятанные в подголовнике, ожили. Вплетенный в их шипение вкрадчивый монотонный голос задал первый вопрос:

– Ваше имя – Джордж Митчелл?

В ответ прозвучало равнодушно-усталое «да».

– Вы офицер морской пехоты США?

Снова «да», такое же равнодушное. Потом вопросы пошли потоком, неспешным и бесконечным. Время от времени они повторялись. Поначалу преобладали совершенно безобидные: «играете ли вы в бейсбол?», «любите ли вы гамбургеры?», «были ли вы женаты?», «есть ли у вас дети?» и тому подобная чепуха.

Далее вопросы начали усложняться, среди них начали регулярно повторяться фразы типа: «есть ли у вас родственники за границей?», «получали ли вы деньги из-за границы?», «знаете ли вы русский язык?», «работаете ли вы на российскую разведку?», «работаете ли вы на китайскую разведку?». Начали попадаться вопросы, выдававшие явное знакомство того, кто их задавал, с бытовыми, кулинарными и иными предпочтениями Митчелла.

Самописцы по другую сторону одной из зеркальных стен чутко фиксировали реакции испытуемого. Лицо техника, следившего за работой полиграфа, постепенно приобретало все более озадаченное выражение. Наконец он не выдержал и воскликнул, обращаясь к двум другим мужчинам, которые вместе с ним находились в этом помещении с самого начала теста:

– Удивительно, но полиграф не выявляет никаких резких отклонений! Абсолютно никаких! Вероятность правдивых и ложных ответов определяется машиной каждый раз как 50 на

50! То есть ни «да», ни «нет». Даже в том случае, когда этот парень называет свое имя! Неужели он настолько бесчувственный?

Эти двое, к которым обращался техник, – один в штатском, второй в форме майора морской пехоты, – переглянулись. Что это должно было означать? Либо Митчелл действительно равнодушен ко всему, как мраморная глыба, либо... либо он натренирован скрывать эмоции от полиграфа. И просто не реагирует на вопросы. Однако... Тактика, может, и не самая правильная, как может показаться, зато более надежная. Конечно, Митчелл мог бы пытаться для большего правдоподобия давать «правдивые» ответы в нужных местах. При таком жестком самоконтроле это вроде бы задача не из числа самых сложных. Но рано или поздно отвечающий сбивается. Рано или поздно сочетание вопросов в бесконечной цепи оказывается для него слишком неожиданным. настолько неожиданным, что испытуемый, до того стойко державшийся, начинает прокалываться даже на простейших ловушках. Однако к Митчеллу это явно не относилось. Все имевшиеся в запасе вопросы были озвучены уже не однажды в самых разных комбинациях, однако реакция капитана была стабильной, как шелканье метронома. Полиграф по-прежнему расценивал достоверность его ответов как 50-процентную. Фергюсон был озадачен результатом допроса не меньше техника, но по иным причинам: ведь не по доброте же душевной Митчелл воровал секретную информацию? Где его тренировали? На кого же он работает?

– Что здесь происходит, Фергюсон? – понимание происходящего явно превышало умственные возможности майора. Но даже он почувствовал неправильность ситуации.

– Есть два варианта, – с ярко выраженным сомнением на лице, медленно, словно взвешивая каждое слово, проговорил фэбээровец. – Или Митчелл действительно так хорошо подготовлен своими хозяевами, что сумел без особых усилий обмануть полиграф... Тогда он работает или на Москву, или на Пекин, никому больше такой уровень не по силам... Или это... какое-то фатальное стечение обстоятельств. Может, у него просто крыша после Ирака съехала, и он решил поиграть в шпионов? Ну, или по собственной инициативе взялся проверять надежность системы охраны базы? И нет никакого резидента? И ни на кого он не работает?

– И что же нам с ним теперь делать? Он же... не расколется! – изумленно проговорил Гарланд.

– Ничего страшного, – успокаивающим тоном произнес Фергюсон, – я думаю, что перевод нашего подозреваемого в плавучую тюрьму во многом изменит и наши подходы.

– Ясно... – протянул Гориллоид, старательно прикидываясь, что прекрасно понял, куда клонит собеседник. На самом деле смысла сказанного он не уловил. Впрочем, это и неважно. Главное, что вся ответственность, если что, ляжет на фэбээровца, раз уж он с первого дня поднял всю операцию под себя. У старины Гарри полно медалей, наградой больше, наградой меньше... Майор Гарланд всегда верой и правдой служил Америке, а вот взыскания он никогда не коллекционировал. Ладно. Пусть Фергюсон умничает дальше.

Если дело выгорит, майору так или иначе что-то перепадет – ФБР не сможет отрицать, что без помощи Корпуса морской пехоты ничего бы у них не вышло. Если же не выгорит – всегда можно будет сказать: какие могут быть претензии к тем, кто выполнял приказ?

Глава 8

Иванисов опустил бинокль. Ничего. Абсолютно. Горизонт чист. Похоже, обещанный генералом «траулер» оказался значительно дальше, чем они рассчитывали. Надо думать, атмосферный фронт, вынудивший их десантироваться раньше времени, на пути корабля поддержки аукнулся неслабым штормом. Иначе что еще могло задержать наших «рыбаков»? Ведь это нейтральные воды, вряд ли у них могли возникнуть проблемы с американской береговой охраной. Георгий с наслаждением потянулся. Хорошо вот так поваляться на плоту посреди океана – солнышко, легкая убаюкивающая волна... Хорошо, если не слишком долго. Но право на небольшой отдых они с Петрухой заслужили.

Утро выдалось тяжелым. Само приводнение прошло без приключений, но вот потом... Сначала пришлось сесть на весла, что само по себе оказалось тем еще развлечением, учитывая то, что спасательный плотик – не транспортное средство. И уж точно не тягач. Не меньше часа экипаж «Громобоя» потратил на ловлю и «склейку» пятитонных контейнеров. Дело было тяжелое, но нужное. Это сейчас тихо. А если погода сменится на штормовую? Ищи их потом в океане... Хорошо, что в снаряжение спасательного плотика входили тонкие, но прочные нейлоновые тросы достаточной длины, на модулях имелись стальные «ушки» (чтобы их можно было поднимать краном), а в точке приводнения не было ни сильного ветра, ни волн. Только надоедливый проливной дождь. Поэтому в конце концов модули удалось принайтвить друг к другу, да и плотик пришвартовать к одному из них. Когда дождь закончился, Георгий с Петром вспомнили о ненужных более парашютах – связав их вместе, прицепили эти рулоны шелка к одному из грузов, служивших модулям для стабилизации после приводнения. Потом груз «отстегнули» от контейнера, и он с радостным бульканьем потащил парашюты в глубину. Одним компрометирующим «вещественным доказательством» стало меньше. Отдышавшись, они перекусили. После чего майор взял на себя обязанности «впередсмотрящего» – взобрался с биноклем на один из контейнеров, каждый из которых вмещал полвертолета, и занялся разглядыванием окружавшей их водной глади на предмет званных или незванных гостей. Стрелок, убедившись в исправности рации, имевшейся в плотике, выставил ее на условленную частоту и принялся методично прогавкивать в микрофон внешне безобидные фразы на английском. Когда он в «триста-какой-то» раз повторил кодовую фразу и, повернувшись к майору, открыл рот, чтобы предложить поменяться развлечениями, в наушниках вдруг раздался хрип, треск, потом снова хрип, на фоне которого с трудом различимый голос, тоже по-английски, проговорил положенную ответную абракадабру. Романчук проглотил неозвученное предложение и жестами проигнорировал майору – мол, связь с «траулером» установлена, – сам же продиктовал «рыбаку» свои координаты. У них с Иванисовым с утра было достаточно времени, чтобы их определить. Рация какое-то время выдавала в ответ лишь душераздирающие хрипы, потом снова прорезался тот же голос. Невидимый собеседник выдал на все том же английском с еле уловимым акцентом несколько почти бессмысленных фраз, суть которых сводилась к тому, что вертолетчикам придется подождать – «траулер» задерживается из-за сильного волнения в своем квадрате. Петр хмыкнул – интуиция не подвела майора и на этот раз. Помолчав, голос добавил, что в случае форс-мажорных обстоятельств экипаж должен действовать по инструкции. Не услышав традиционного «конец связи», Романчук какое-то время еще слушал треск и хрипы в наушниках, потом понял, что радист «траулера» все-таки отключился, и снял наушники.

– Ну что? – лениво поинтересовался Иванисов, снова взявшись за бинокль.

– А ничего, Жора, – в сердцах сплюнул Петруха. – Ты был прав, у них там шторм, поэтому «девушка на свидание опоздает». Придется подождать. А еще напомнили про ту самую инструкцию.

– Во дают, – искренне восхитился майор чьей-то твердолобостью. Инструкцию, о которой шла речь, он помнил хорошо: в случае чего, например, появления всего 3-го оперативного флота ВМС США, контейнеры с «Громобоем» утопить, а самим прикидываться шлангами, то есть потерпевшими кораблекрушение. Тем более что в снаряжении плотика имелось для этого все необходимое. Чуть ли не судовой журнал посуды, реально изобразившей небезызвестный медный таз. Вот только топить «Громобой», эту прекрасную машину, майору совершенно не хотелось. Старший лейтенант Романчук целиком и полностью разделял его чувства по этому поводу. С другой стороны, оба они знали четко – приказ есть приказ. Оба не раз имели повод согласиться с одним сержантом из давних времен, любившим повторять, что в уставе каждая запятая вписана кровью умников, пытавшихся делать все по-своему. И тут двух мнений быть не могло – если появится даже не военный, но все равно американский корабль, модули пойдут на дно. Однако и спешить с этим оба офицера не собирались. Во всяком случае, у «траулера» пока были все шансы прийти первым. Кроме того, у них были и другие проблемы – погода, похоже, снова начинала портиться.

– Главное, чтобы этот чертов атмосферный фронт сюда не повернул и прошел стороной, – процедил сквозь зубы Иванисов, начиная прикидывать, как теперь спуститься с контейнера обратно в плотик – если вдруг снова пойдет дождь. Не исключено, что проще всего будет прыгнуть в воду, а потом снова взбираться в надувной кораблик.

И тут на горизонте со стороны невидимой пока земли под тихий, но отчетливый перестук слабосильного мотора появилась рыболовная шхуна. Майор, следивший за ее перемещениями, уткнувшись в бинокль, принялся печально материться: посудина под знакомо-полосатым флагом ползла прямо на контейнеры, которые лениво покачивались на волнах. И никуда ведь от этой лоханки не скроешься – у плотика даже такого «почти мотора» нет. А разобранный на части и запечатанный в модули вертолет стать невидимкой никак не мог. Вот уже и Петр безо всякой оптики разглядел точку на горизонте, которая неумолимо увеличивалась под вялое тархатенье своего дизеля.

– Так что, командир? Будем топить модули согласно инструкции? – грустным голосом поинтересовался Романчук у майора.

– Не спеши. А то успеешь... – зло процедил Иванисов. Но на рычаг, позволявший отстрелить одним махом все поплавки своего контейнера, все же оглянулся.

Еще через минуту он уже и без бинокля видел – шхуна с упрямой обреченностью бурлака тянет трал, явно не собираясь никуда отворачивать. Вполне возможно, что узкоглазые рыбаки – японцы, китайцы или филиппинцы, которых на Гавайях ничуть не меньше, чем белых американцев, – до сих пор не заметили темно-серые модули, качающиеся на волнах прямо у них по курсу. Но флаг на мачте шхуны был американским. Георгий с тяжелым сердцем уже потянулся к рычагу, собираясь выполнить требование инструкции, как вдруг услышал шум другого двигателя, явно более мощного и оборотистого. Он снова подхватил бинокль и увидел, что шхуну быстро догоняет небольшая моторная яхта, раскрашенная в яркие канареечные цвета. Когда яхта приблизилась, майор с удивлением разглядел на ее борту стилизованные, но все же вполне узнаваемые изображения золотых рыбок, жирных омаров, крабов с огромными клешнями, осьминогов и прочей морской живности. Такие же рисунки были на флажках, в изобилии украшавших палубные растяжки. Американский флаг на мачте просто терялся в этой пестроте. На носу яхты надрывались мощные динамики, искаженным женским голосом выплевывая какие-то сердитые лозунги. Майор прислушался. Как ни странно, его знания английского вполне хватило, чтобы понять, что доносится из динамиков. Неизвестная сумасшедшая вещала:

– Рыболовство – преступление! Рыбы и крабы ничем не хуже людей! Они тоже хотят жить!

Дальше пошли слова менее понятные, а то и вовсе незнакомые, но Петруха вполне справился с ролью переводчика-синхрониста. С трудом удерживаясь от смеха, он, пытаясь сохранять пафос неизвестной ораторши, проговорил:

– Вам бы в рот крючок да губу порвать, вас бы сетью спутать да кислород перекрыть, извальять в муке и на сковородку! – И добавил уже чисто от себя: – Во, баба сумасшедшая! Чего говорит, а?

Однако, только и смог подумать изумленный Иванисов. До сих пор про таких ретивых защитников живой природы ему разве что в газетах читать приходилось. Яхта тем временем лихо обогнала шхуну и тут же ее «подрезала», вынудив рыбаков изменить курс. Майор с облегчением вздохнул – рыбацкое суденышко отвернуло от модулей еще на приличном расстоянии и теперь удалялось к невидимому берегу. Но сумасшедшая на яхте не успокаивалась. Яхта пристроилась к шхуне сзади, и тут Иванисов увидел выскочившую на палубу фигуристую дамочку с огромными ножницами. Голос, продолжавший доноситься из динамиков, принялся угрожать разрезать этими ножницами трал. Узкоглазые рыбаки в панике бежали, на ходу выбирая сеть и понимая, что наткнулись на психопатку. Вслед им неслась душераздирающая лекция о безнравственности рыболовства, казавшаяся нескончаемой. Вскоре оба кораблика скрылись из виду.

Как бы то ни было, кто бы какие цели ни преследовал, но инцидент сыграл на руку экипажу «Громобоя», едва не превратившемуся в терпящих бедствие морячков. Иванисов, ощутив, как отпускает напряжение последних минут, с облегчением опустил бинокль. Горизонт был чист. Вдруг до слуха майора донесся радостный вопль Романчука, сорвавшего с головы наушники:

– Командир! Наши! Вышли на связь, говорят, что они уже близко! Глянь там в бинокль, может, уже видно?

Майор махнул рукой: понял, мол. Поднес окуляры бинокля к глазам. И тут же вскочил, хотя на гладкой поверхности модуля, который качался на волнах, удержаться было нелегко. Но повод у него был – далеко на горизонте появился такой долгожданный корабль под либерийским флагом... Георгий облегченно вздохнул: следовать злосчастной инструкции не придется.

– Расслабься, старлей! Тебя не накололи – их уже видно. Плывут быстро, скоро будут здесь.

Счастливым стрелок заорал из плотика:

– Жора! А ты веришь в счастливые стечения обстоятельств, а?

Пилот хмыкнул:

– Ты что, Петруха, на сто один процент уверен, что это была чистая случайность?

Глава 9

Вечерело. Погода стояла просто прекрасная – и очень подходящая для того, чтобы выбраться куда-нибудь на природу. Однако не все предпочитали шумные пикники на свежем воздухе, тем более что на Гавайях не так уж много подходящих мест для подобного времяпрепровождения. Некоторых вполне устраивали многочисленные кафе и небольшие ресторанчики. В небольшом и весьма уютном придорожном заведении на окраине Гонолулу сидели два немолодых, но еще очень крепких белых джентльмена, выбрав в полупустом зале самый дальний от входа столик, стоявший в довольно темном и прохладном углу. Одеты эти двое были как самые обычные туристы с материка, шатающиеся по городу без какой-либо определенной цели, – в шорты и пестрые рубашки. Рядом на свободных стульях валялись соломенные шляпы с широкими полями, на краю стола примостились ненужные при таком освещении темные очки.

Правда, ни фотоаппаратов, ни видеокамер, ни просто больших ярких пакетов или сумок при них не было. Это выглядело немного странно, но не более того. По крайней мере, в глаза не бросалось. Бармен, от нечего делать обративший на это внимание, сам же себе и объяснил эту странность – эти два джентльмена наверняка живут в какой-нибудь гостинице поблизости и вышли оттуда исключительно для того, чтобы посидеть в уютном местечке, каковым, без сомнения, является означенный ресторанчик. Поэтому и не прихватили с собой ничего, кроме шляп, очков и, конечно же, своих набитых кошельков.

Два джентльмена неспешно и вполне мирно о чем-то беседовали, потягивая виски «Джонни Уокер» из маленьких рюмочек, – в том, что касалось алкоголя, вкусы этих двоих однозначно совпадали. Хотя со стороны смотрелась парочка немного странно. Если специальный агент ФБР Джозеф Фергюсон умел стильно носить любую одежду и даже в шортах и рубашке-гавайке выглядел не то крупным бизнесменом, не то малоизвестным политиком, то майор Гарри Гарланд, редко выходивший куда-либо в штатском, смотрелся в таком наряде в лучшем случае спортсменом, в худшем – бывшим уголовником. Впрочем, главное, что в этой одежде майор не похож на военного, мимолетно подумал фэбээровец, иначе бы мы привлекали много ненужного внимания. А так никто в эту сторону не смотрит. Сейчас Гориллоид выглядел несколько озадаченным. Слегка покрасневшийся после первых порций виски, выпитых с очень небольшими интервалами, майор расслабился и озвучил вопрос, сильно его интересовавший:

– Слушайте, Фергюсон, может, вы мне наконец скажете, почему Митчелла до сих пор не отправили в «Долину цветов», уже ведь все давно решено, да и столько времени прошло?

Тот, к кому он обращался, тоже глотнул виски и покачал головой с циничной усмешкой:

– Гарри, друг мой, поймите, такие экстраординарные результаты теста на полиграфе меня лично лишний раз убеждают: Митчелл – вовсе не новичок в шпионском деле, нет, он – матерый враг, раз умеет внушать этой умной машине вывод о своей невинности!

– Тест? И что? Тоже мне, проверка на вшивость. По мне, так этот ваш тест ничего не объясняет, – Гориллоид сердито нахмурился, – и я не могу быть спокоен, пока наш подопечный не окажется в надежном месте. А вдруг ему уже готовят побег? Вы же сами говорите – если он действительно вражеский агент, то агент очень ценный. Такого человека просто так не бросят. Кто знает, сколько его сообщников бродит вокруг и что они могут сделать? Вы же сами говорили, что он связан с целой агентурной сетью, причем неизвестно, чья это сеть! К тому же, если они вдруг не знали об аресте Митчелла, вы же лично позаботились, чтобы об этом знали все Гавайи!

Фэбээровец улыбнулся: некоторая прямолинейность мышления майора его забавляла. Настоящий вояка. И почему он до сих пор не генерал? Наверное, исключительно в силу ограниченной численности Корпуса морской пехоты и недостатка в нем генеральских вакансий.

– Гарри, друг мой, у нас нет прямых доказательств вины Митчелла. Только косвенные. А хороший адвокат от них камня на камне не оставит. Думаете, он не найдет себе толкового юриста? Не забывайте и о суде присяжных. Это я и мои люди пасли его несколько месяцев, это вы и ваши люди участвовали в задержании. Мы видели чертову птицу и знаем, ЧТО унес с собой в окно этот почтовый голубь. Нам с вами не нужны доказательства, что Митчелл – шпион. Мы-то знаем, что он не случайно оказался той ночью в том ангаре. Для нас он вполне достоин электрического стула или как минимум двадцати лет тюрьмы строгого режима без права на досрочное освобождение. А вот в глазах присяжных, которым приятно строить из себя беспорочных людей с улицы, Митчелл предстанет таким простым американским парнем, которого ФБР хочет упечь за решетку за чужие грехи – лишь потому, что Бюро даже не сумело выяснить, кому ушли государственные секреты США. Имейте в виду, друг мой, что большинство потенциальных присяжных при всем своем патриотизме до сих пор не слишком жалуют военных, но ФБР они симпатизируют еще меньше – 11 сентября не всех излечило от заблуждения, что демократия – это прежде всего права рядового гражданина. Гарри, вы же видели его рожу – с него плакаты для вербовочных пунктов рисовать надо. Типа «хочешь быть таким крутым парнем – иди служить в морскую пехоту». Чего доброго, они еще решат, что парень с таким честным и открытым лицом просто не может быть шпионом, и не отступятся от этого мнения, даже если мы вывалим им вагон доказательств, то есть то, чего у нас нет, а не то, что у нас есть. Не обижайтесь, друг мой, я вовсе не хотел сказать, что на военную службу сейчас набирают всякий сброд... Я сейчас не об этом. Короче, мы просчитали, сколько примерно времени могло понадобиться русским или китайцам, больше некому, чтобы экстренно собрать и отрядить сюда спасательную экспедицию. Получается, что их люди уже где-то здесь, готовятся его освободить. Мы в принципе тоже уже готовы. А это значит, что послезавтра, в полном соответствии с нашим сценарием, Митчелла в присутствии толпы журналистов отправят на этот ржавый списанный авианосец, переоборудованный под федеральную тюрьму. – Фергюсон надолго замолчал, опрокинул в себя еще порцию виски, потом задумчиво добавил: – Хотел бы я знать, кто придумал ей такое забавное название – «Долина цветов», надо же. Какие, однако, цветочки там собрались...

– Это... как ловля на живца? – внезапно воодушевился Гориллоид, до которого наконец дошла суть затеянной ФБР операции. – Мы их захватим во время попытки освобождения подозреваемого, и тогда доказательств для суда будет предостаточно?

– Конечно же, да, Гарри! Потому-то я и засветил для журналистов по максимуму факт отправки нашего подопечного в плавучую тюрьму. Потому и хочу сделать его публичным актом. А отсрочка устроена специально – чтобы противник мог решить, что у него есть время на подготовку. На самом деле этого самого времени у них в обрез, но незачем давать им это понять. Но и у нас в запасе отнюдь не вечность. Теперь вся надежда на то, что вы и ваши люди сработаете слаженно. Моя команда без вас не справится.

– Рискованно, – в задумчивости сдвинул брови майор, – но я уверен, что мои парни не подведут.

– Очень на это надеюсь, – в явном сомнении скривил губы Фергюсон и налил себе еще виски.

Глава 10

Петр Романчук стоял на палубе корабля-базы, так похожего со стороны на обычный рыболовный траулер, и любовался смонтированным «Громобоем». Чудо-вертолет уже проверили на работоспособность электронных систем, заправили и даже ненадолго запустили двигатели. А потом майор – все-таки не зря именно его взяли в проект пилотом, летал он лучше, чем Петруха стрелял, – легко, без каких-либо проблем, поднял машину в воздух и облетел корабль по небольшому кругу. Все работало так, словно и не спускалось на парашютах в океан с восьмикилометровой высоты и не качалось полдня на волнах. Ни у людей, ни у аппаратуры никаких сомнений и подозрений не возникло. Сейчас техники снова складывали крылья и лопасти винтов – полностью развернутый и сориентированный по оси корабля «Громобой» едва умещался в ширину палубы. Да и «свернутый», он оставлял совсем немного места для работы обслуги. А ведь его еще требовалось укрыть от посторонних глаз. К тому же разобранные до поры контейнеры заняли весь небольшой трюм.

Бывший сторожевик принадлежал к крупной серии эскортных, противолодочных и пограничных кораблей, построенных по проекту 1124 в семидесятые годы прошлого века. В натовской классификации этот тип имел забавное обозначение – «Гриша». Для роли траулера, даже океанского, «Гриша» был суденышком довольно крупным, все-таки более семидесяти метров в длину, а вот в качестве носителя для тяжелого вертолета он напоминал коробку для обуви, в которую запихнули ботинки на три размера больше. Вон, вся хвостовая часть «Громобоя» висела даже не над палубой – над слипом, по которому лебедками втаскивали модули на корабль всего несколько часов назад. Сказать по правде, в качестве полноценной плавбазы их вертолету больше подошел бы какой-нибудь гражданский сухогруз или танкер. И запас хода у них изрядный, и трюмы просторные, и у разных там пограничников они меньше подозрений вызывают... Вот только скорость у гражданских судов подкачала. Ну что такое обычные для них 15–20 узлов полного хода? Или, говоря по-сухопутному, 27–36 километров в час? У «Гриши» же скорость полного хода доходила до 35 узлов, этот «траулер» вполне мог потягаться с современными эсминцами. Не говоря уже о том, что с легкостью оторвался бы от большинства кораблей береговой охраны США, даже имея на борту «свернутый» вертолет, плюс запас топлива и вооружения к нему – дополнительный вес наверняка «съедал» несколько узлов.

Эх, водочки бы сейчас, совершенно неожиданно для себя подумал старший лейтенант, с мимолетной ностальгией вспоминая гарнизон в Таджикистане, откуда его целую вечность назад выдернул генерал Острохижа. Там, по крайней мере, задачу ставили всю сразу, а не по частям. А тут жди, догадывайся, что придется делать в конечном итоге. Хотя нет, тряхнул он головой, здесь все же интереснее... Петр посмотрел на крыло надстройки, где виднелись крупные латинские буквы, составлявшие название корабля – «GABRIEL FERRERA», ничего не говорившее ему испанское имя, потом перевел взгляд на мачту, на которой яростно трепыхался либерийский флаг, и хмыкнул. Хитро. Под флагом этой страны ходят десятки, если не сотни судов, никогда не заходивших в ее территориальные воды. Да и в этом районе полно корабликов с такими же флагами на мачтах. Необязательно либерийскими – на Кипре тоже, говорят, зарегистрирован целый флот, которого в местных портах никто никогда не видел. Что там какой-то рыболовный траулер... Вот только этот «траулер» изнутри оказался не так уж прост. Многие элементы надстроек, выглядевшие снаружи вполне естественно, изнутри оказались чистой декорацией, скрывавшей как «пустоты», так и массу дополнительного оборудования неизвестного назначения. Во всяком случае, для ловли рыбы оно явно никогда не применялось. Романчук не был большим специалистом по рыболовному снаряжению – с рыбалкой на прежнем месте службы была изрядная напряженка, но в этом своем ощущении не сомневался. Да и название у корабля наверняка имелось другое, во всяком случае, до последнего

выхода в море. Если его, конечно, не заменяла какая-нибудь буквенно-цифровая абракадабра. Он снова перевел взгляд на «Громобой» – техники уже заканчивали натягивать на «сложившийся» вертолет маскировочный тент.

Сзади подошел Иванисов и хлопнул его по плечу:

– Любуешься, оператор? Правильно, есть на что поглядеть. Я вот тоже не насмотрелся еще. Изнутри не все видно.

– Где генерал? – не отводя взгляда от вертолета, поинтересовался стрелок.

– Сейчас придет. Я так думаю, сегодня Василий Петрович нам что-нибудь интересное расскажет.

– Ага, – фыркнул Романчук, – опять в час по чайной ложке.

На лице майора нарисовалось выражение, с которым любящая мамаша смотрит на глупого ребенка.

– Тебе никто не говорил, что знать все и сразу – скучно?

Ответить Георгию какой-нибудь фразочкой позаковыристее стрелок не успел. На палубе показался генерал. Появившись из неизвестно какой двери, он оглянулся, заметил вертолетчиков и сразу же направился к ним. Острохижа окинул подчиненных придирчивым взглядом, посмотрел на укрытый тентом «Громобой», потом заговорил:

– Итак, товарищи офицеры, пришло время озвучить то, ради чего, собственно, мы забрались так далеко от дома. Понимаю, что вам хотелось услышать это раньше... Но нельзя было.

Генерал выдержал паузу, словно подчеркивая важность и секретность того, что скажет дальше:

– Начну с напоминания, что сейчас мы находимся в нейтральных водах. Однако всего в нескольких милях отсюда начинаются территориальные воды США. Там, – генерал махнул куда-то за горизонт, – Гавайские острова. Гавайи, иначе говоря. Пятидесятый штат. Главная военная база США на Тихом океане. Так вот. – Острохижа жестко посмотрел на вертолетчиков. – Пока ставлю задачу в общих чертах. Нам с вами предстоит любой ценой спасти нашего человека. Разведчика. Задание, сразу скажу, не из легких. Ситуация такова, что даже «Громобой» не слишком облегчит нашу работу. Но вам будут помогать наши люди в Гонолулу.

– Там есть наши люди? – недоверчиво проговорил Петруха.

Майор с неудовольствием посмотрел на стрелка – и кто только его за язык тянет? – но ничего не сказал.

– Наши люди есть везде, старший лейтенант Романчук! – «придавил клопов» генерал.

– А... Людмила? – спросил Иванисов и удивился своему вопросу – сам-то чего таким любопытным стал?

– Она уже на месте. В любой момент может выйти на связь. Можно сказать, уже ждем.

Генерал, кажется, собирался сказать что-то еще, но тут к ним подбежал офицер из экипажа «Габриэля Ферреры» и сказал, что генерала зовут в радиорубку. Острохижа отсутствовал всего несколько минут, но когда он снова вышел на палубу, лицо его было мрачным и замкнутым. Явно что-то случилось, причем однозначно нехорошее, тревожно подумал пилот. Генерал повернулся к вертолетчикам:

– Экипаж, слушай мою команду...

Глава 11

После теста на «детекторе лжи» капитана Митчелла снова надолго оставили в покое, проведя обратно в камеру-одиночку. Довольно комфортабельную, впрочем, камеру. В положенное время принесли обед. И все. Понятное дело – применять какие-то «особые» методы ведения допросов в отсутствие серьезных улик фэбээровцы опасались. Это могло разрушить и без того шаткое обвинение. А так у них есть хотя бы «сопротивление при аресте». Хотя если приспичит, могут на это и наплевать. После 11 сентября 2001 года к юридическим заморочкам в Соединенных Штатах относились с куда меньшим трепетом, чем прежде, – много чего рухнуло в тот день вместе с башнями Всемирного торгового центра. Так что Митчелл не сильно обольщался насчет стойкости следователей в верности соблюдению прав человека. Рано или поздно их терпение закончится, и... За час до ужина в коридоре послышался приглушенный звук шагов. Неужели на допрос?

Молчаливые конвоиры, двое здоровенных негров в форме тюремных охранников, привели арестованного в ту же комнату без окон, где с ним впервые беседовал седой фэбээровец, назвавшийся специальным агентом Джозефом Фергюсоном и возглавлявший операцию по его задержанию. Значит, все-таки допрос.

Здесь, как и тогда, стояли простой стол и два стула – для следователя и для подследственного. Телекамеры в углах под потолком тоже никуда не подевались. В дальнем углу сидел стенографист, которому предстояло вести запись допроса. Конвоиры усадили капитана на железный стул, привинченный к полу. Руки завели за спину и пристегнули наручниками к специальному крюку сзади спинки стула. Ноги тоже «зафиксировали». Умно. Не вырваться.

Сделав свое дело, конвоиры так же беззвучно покинули помещение, и тут же в комнату без окон быстрым шагом вошел Фергюсон. Закрыв за собой дверь, фэбээровец подвинул к столу второй стул, в отличие от первого – пластиковый и не привинченный к полу. Стул жалобно шаркнул и закрипел, разъезжаясь ножками под немалым весом «человека из Бюро», но, достигнув своего предела гибкости, затих. Устроившись поудобнее, Фергюсон резко сменил темп, словно внутри него сработал переключатель скоростей, уже совсем не спеша извлек из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет и положил на стол. Потом вытряхнул из пачки сигарету, сунул в зубы, щелкнул зажигалкой. Затянулся. И только после этого внимательно посмотрел на сидящего напротив капитана, до сих пор невозмутимо хранившего молчание. Их взгляды встретились. Наконец Фергюсон выпустил струю дыма и заговорил.

– Знаете, Митчелл, я восхищаюсь вами. Так блестяще избавиться от улики, когда я уже считал, что они у нас в кармане... Великолепно. Просто фантастика. Вы в пять секунд спустили псу под хвост несколько месяцев нашей оперативной работы. А я, каюсь, имея дело с разными суперсовременными технологиями, уже давно списал почтовых голубей на свалку истории. Да, поторопился, признаю. А как вы дрались, хотя понимали, что шансов вырваться у вас нет. Вы очень достойный противник. – Фэбээровец помолчал, снова пустив дым. – Я ценю вашу стойкость, Митчелл. Не сдали никого из своих людей на Гавайях. Только не говорите, что вы работали один, не поверю. Я лично уверен, что вы – часть настоящей паутины, опутавшей наш милый островной штат. Возможно, очень важная ее часть, но только часть. Продолжаете молчать? Да, ваша уверенность в себе впечатляет. Вы даже не признались, на какую страну работаете. Похвально. Но лично я думаю, что вы передавали сведения русским. «Орион», бортовой компьютер которого вы обчистили, патрулировал те сектора Тихого океана, которые представляют интерес прежде всего для них. Хотя и китайцы нашли бы в этих файлах немало полезного для себя и даже, возможно, использовали бы эту информацию с гораздо большей эффективностью, чем их северные соседи. Так как? Скажете, для кого из них вы так старались? Или будете продолжать упорствовать в молчании?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.